

Каргина Ирина Георгиевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
Московского государственного института
международных отношений (У) МИД РФ

ВЛИЯНИЕ КРИЗИСА НА ПРОТЕСТАНТСКИЕ КОНФЕССИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация:

Смена политической парадигмы после развала Советского Союза, тяжелый экономический кризис и предоставление религиозной свободы способствовали стремлению широких слоев российского населения, с одной стороны, определить для себя новые ценностные ориентиры, а с другой – компенсировать с помощью религии стрессы, страхи и неуверенность в завтрашнем дне, вызванные реформами и кризисом, что проявилось в беспрецедентном росте уровня религиозности в стране и непосредственно повлияло на динамику разнообразия религиозных организаций. Исследования показывают, что за последние 20 лет в условиях доминирующего влияния православной церкви в российском обществе сформировалось протестантское сообщество, которое является экономически самостоятельным, социально организованным и одним из самых динамичных религиозных движений.

Ключевые слова:

российские протестанты, религиозность, религиозное возрождение, православие, кризис, религиозное разнообразие.

Kargina Irina Georgiyevna

PhD in Social Science,
Assistant Professor, Social Science Department,
Moscow State Institute of International Relations
(MGIMO-University)

CRISIS INFLUENCE ON PROTESTANT DENOMINATIONS IN THE CONTEMPORARY RUSSIA

Summary:

The change of the political paradigm after the collapse of the Soviet Union, the severe economic crisis, and the provision of religious freedom promoted the aspirations of people, on the one hand, to define new value guidelines, and on the other hand, to compensate fears, strain and uncertainty caused by the reforms and the crisis by means of a religion. It followed by unprecedented growth of the religiousness level in the country, and influenced directly the dynamics of the religious organizations diversity. The researches show that for the recent 20 years, under the dominant influence of the Orthodox Church there has been established a protestant community, which is economically independent, socially organized, and is one of the most dynamic religious movements.

Keywords:

Russian Protestants, religiousness, religious resurgence, orthodoxy, crisis, religious diversity.

Религии, по утверждению авторов теории религиозной экономики Р. Старка и Бэйнбриджа, выступают в роли потусторонних компенсаторов для физических лиц – особенно востребованы в периоды личных, социальных и культурных кризисов [1, р. 3]. Даже современные сторонники тезиса секуляризации признают, что кризис и быстрые социальные изменения в обществе временно мотивируют популярность религии [2, р. 667–680].

В условиях современного турбулентного климата, окрашенного кризисными процессами, наблюдается массовый поворот к различным формам духовности и религиозным практикам. Религия вновь стала играть заметную роль в переопределении идентичности и формировании сообществ: оторванные от традиции, современные индивиды в условиях кризиса идентичности находятся в поиске новых ценностей и смыслов, в то время как многие государства, в том числе и Россия, стремятся переоценить свое культурно-религиозное наследие, реанимировать давние традиции и апеллировать к ним в различных целях.

Современная религия, таким образом, не может с легкостью определяться и пониматься как некая «иррациональная» современность. Напротив, она представляет собой валидный ответ на растущий кризис современности и при ее непосредственном участии в настоящее время формируется «другая» современность.

Влияние кризиса на динамику религиозности в России.

Россия, находясь в состоянии перманентного кризиса, представляет собой яркий образец того, каким образом под влиянием кризисных явлений произошли трансформации сознания индивидов в отношении религии, изменились ее место и роль в публичном пространстве общества. Начало процессов роста религиозности и религиозного разнообразия в России относится к концу 80-х – началу 90-х гг. Смена политической парадигмы после развала СССР и тяжелый экономический кризис породили глубочайшую обеспокоенность миллионов людей из-за утраты прежних социальных ориентиров и резкого ухудшения качества жизни. Опросы Института социологии РАН начала 90-х гг. показали, что, по мнению большинства россиян, произошли

ухудшения практически во всех основных сферах жизни общества: ухудшение уровня жизни отметили 77 % населения, морального состояния общества – 76 %, экономики страны в целом – 73 %, социальной сферы – 71 %, международных отношений – 70 % [3, с. 24].

Эти условия обусловили стремление широких слоев населения, с одной стороны, определить для себя новые ценностные ориентиры, а с другой – компенсировать с помощью религии (а также магии, предсказаний будущего) стрессы, страхи и неуверенность, вызванные реформами и кризисом, что проявилось в беспрецедентном росте уровня религиозности в стране. Если в конце 80-х гг. к верующим относили себя примерно 10 % взрослого населения советского государства [4, с. 65], то к 1994 г. число россиян, назвавших себя верующими составило 39 %, в 1996 г. эта доля возросла до 49,6 %, а в 2004 г. верующими в России называли себя уже 59 % населения [5]. Важно, что на данном уровне религиозность стабилизировалась и практически не меняется по настоящее время. Судя по всему, именно эта доля верующих является показателем «объема религии» в российском обществе, который с первого взгляда кажется довольно весомым. Российский случай подтверждает выводы американских социологов Р. Старка и У. Бейнбриджа, согласно которым *«в обществах истоки религии меняются постоянно, но объем религии является константной величиной»*. Другими словами, показатели доли людей в обществе, считающих себя верующими, могут колебаться, однако увеличение, при соответствующих условиях, будет происходить до тех пор, пока не приблизится к точке насыщения, равной «объему религии» в данном обществе – количеству религиозно ориентированной части населения. Причем, по утверждению ученых, каждая новая альтернатива (то есть появление новой религии, конфессии, религиозного движения) не будет вести к увеличению религиозности [6].

Наиболее ярко феномен «насыщения» проявляется в среде христианских верующих – православных, протестантов и католиков – в то время как постепенно растет число мусульман и буддистов в результате, прежде всего, миграционных процессов. Отсутствие какой-либо заметной динамики религиозности в среде христианских конфессий говорит о том, что они уже заняли свои ниши, и в ближайшее время вряд ли стоит ожидать каких-либо существенных изменений. На увеличение доли верующих уже не могут повлиять факторы кризиса и то, что на протяжении почти 20 лет «россияне пребывают в затяжной стрессовой ситуации с постоянным ощущением несправедливости происходящего и неуверенности в завтрашнем дне» [7, с. 71], что должно было бы пополнять когорту верующих. Даже не сказываются на динамике уровня религиозной идентичности растущее влияние РПЦ в публичном пространстве общества в последние годы, заметные признаки клерикализации государственной власти, а также возросшее число россиян, активно демонстрирующих приобщение к религиозным праздникам и определенным традициям.

Помимо кризиса, предоставление религиозной свободы в России в 1990 г., *«дерегулирование религиозной экономики»* [8, р. 13], послужило дополнительным стимулом для роста религиозной приверженности и непосредственно повлияло на динамику разнообразия религиозных организаций. Так, если в 1991 г. было официально зарегистрировано 20 конфессий, то по состоянию на 1 января 2005 г. их число выросло до 67 (то есть увеличилось более чем в 3 раза). Количество объединений (религиозных групп и церквей) также выросло в разы – к концу 2006 г. число официально зарегистрированных объединений выросло более чем в 4 раза по сравнению с 1990 г. Православные организации России по официальным данным составляют 74 % от всех христианских, протестантские – 24 %, а католические – 2 %. Причем, к числу религий, довольно широко представленных сегодня в религиозном поле России и, пожалуй, наиболее динамично развивающихся с начала 90-х гг. прошлого столетия (после РПЦ), относятся протестанты.

Отметим несколько наиболее значимых черт религиозной идентичности современных россиян:

1. За последние 20 лет сложилась вполне естественная для мозаичной культурной традиции и национального состава России конфессиональное распределение верующих, подавляющее число которых (от 41 до 75 % [9]) являются православными (92 % – это русские), от 5 до 7 % – мусульманами (39 % – татары, 9 % – аварцы, 6 % – башкиры, 1 % – русские и прочие), 1 % – католиками (47 % – русские, 15,9 % – немцы и прочие), 1–1,5 % – протестантами (79 % – русские, 4,3 % – немцы и прочие), 0,5 % – буддистами (88 % – буряты, калмыки, 5,7 % – русские), менее 0,5 % – иудеями (49,8 % – русские, 32,2 % – евреи) и прочие религии [10].

2. «Верят в Бога», но не исповедуют никакой религии» – 25 %. Отвечают, что «я являюсь христианином, но не принадлежу ни к какой конфессии» – 4 %. В некоторых регионах количество просто христиан доходит до 9–10 % – это довольно большой процент. Это люди, которые определенно не находят себя в православии. Не верят в Бога – 13 % [11].

3. С конца 90-х гг. стало явно прослеживаться превалирование так называемой культурной религиозной идентичности над долей верующих в Бога россиян. Прежде всего, этот фено-

мен связан с православием и проявляется в том, что от 20 до 40 % православных россиян (по результатам разных исследований) в Бога не верят [12].

Данный парадокс объясняется стремлением подавляющей части населения России ставить знак равенства между культурной, национальной идентичностью и православием как носителя национальной традиции. Эти выводы подтверждаются и результатами исследований института социологии РАН. 15-летний опыт мониторинга российской идентичности показал, что «идентификация по национальности до самого последнего времени была не просто конкурирующей, но преобладающей у людей в сравнении с государственной. К концу 20-летия 90 % населения по-прежнему сохранили идентичность по национальности и по месту жительства» [13]

Высокий уровень православной самоидентификации не эквивалентен столь же высокой значимости религии для россиян. Так, например, в исследовании института социологии РАН (в 2011 г.) было установлено, что *самым важным фактором для идентификации является государство*, поскольку он набирает вдвое больше число голосов, чем любое другое значимое представление, объединяющее россиян – 60–70 %. Среди других консолидирующих представлений 20–30 % респондентов называют «ответственность за судьбу страны», «человеческие связи», «историческое прошлое», «родную землю», «природу», «язык и культуру». Обычаи, черты характера и иное назвали до 10 % респондентов [14]. Однако кажется парадоксальным, что никто не упомянул религию, православную веру. Получается, что если напрямую россиян не спрашивают об отношении к вере, то они о православии или своей религии не вспоминают.

Рассмотрим другой любопытный пример. Изучение вопроса о том, какие варианты национальной идеи могли бы объединить российское общество, показало, что из 10 предложенных респондентам вариантов «идея очищения общества через православную веру» оказалась на 9-м месте в 1995 г. (выбрали данный вариант 6 %), на 10-м месте – в 2001 г. (8 %) и на 9-м месте – в 2011 г. (9 %) [15]. Не столь «оптимистичны» и результаты исследований ВЦИОМ. Так, в 1995 г. православие как консолидирующую идею назвали 2 % населения, в августе 1998 г. – 1 %, в 1999 г. – 6 %, 2005 г. – 3,69 %, а в 2006 и 2010 гг. данный критерий вообще исчез из перечня, в то время как идеи стабильности, законность и порядок вышли на первый план – 32 и 24 % (2006); 46 и 44 % (2010) [16].

Нетрудно заметить, что за годы реформ взгляды россиян на роль православия как консолидирующей идеи практически не изменились, причем статус этой роли остается стабильно низким. Если сравнить эти результаты с мониторингами уровня религиозности россиян, то обращает на себя внимание то, что пределами 8–12 % также стабильно на протяжении всех лет ограничивается доля активно практикующих православных верующих. Вероятно, что лишь небольшая часть именно этой категории православных россиян считает, что общество может консолидироваться через идею «очищения общества через православную веру».

Как видно, сложилась довольно противоречивая картина российской религиозности, о которой принято судить как о высокой и в значительной степени православно ориентированной. Никакая другая религиозная организация России в сравнении с РПЦ не является столь влиятельной и мощной, что во многом обеспечивается поддержкой государственной власти. Однако налицо явные расхождения, с одной стороны, между позиционированием института РПЦ в публичном пространстве России и высоким уровнем православной самоидентификации и, с другой – незначительным числом активно практикующих православных верующих, слабым влиянием православия на повседневную жизнь и не готовностью россиян рассматривать свою веру в качестве консолидирующей общество идеи. Так же как и в большинстве европейских стран, христианство, в нашем случае православие, в российском обществе призвано более всего выполнять «субсидарные» функции [17], несмотря на усилия институтов власти и РПЦ.

Протестанты в современной России – основные черты и тенденции.

На этом фоне протестантские конфессии в России отличаются высокой степенью вовлеченности прихожан во все виды религиозной практики в рамках своих религиозных сообществ, глубоким проникновением в догматы религии и стремлением к консолидации и повседневному взаимодействию. Протестанты – это наиболее плюралистичный и динамично развивающийся сегмент религиозного поля России. Если к началу 1990 г. на территории бывшего Советского Союза (в том числе и в России) было официально зарегистрировано лишь 8 протестантских конфессий, то к 2007 г. их число составило 26 из 39 официально зарегистрированных христианских. Причем, новизна процесса протестантского религиозного возрождения заключается в том, что подавляющее число из зарегистрированных протестантских групп – это вновь созданные деноминации, никогда ранее не присутствовавшие на территории России. К их числу, например, можно отнести меннонитов, методистскую церковь, харизматов, пресвитерианскую церковь, Церковь Иисуса Христа [18].

Помимо роста конфессионального разнообразия реформы начала 90-х гг. дали импульс к стремительному развитию различных видов объединений протестантов, прежде всего, поместных церквей (примерно 92 % от общего спектра), образовательных учреждений, миссий, ассоциаций, издательств, общее число которых за 20 лет выросло в 3,5 раза и на сегодня составляет немногим более 5 тыс., причем это только официально зарегистрированные организации. Сложился круг наиболее многочисленных (по количеству последователей и объединений) протестантских конфессий, состоящий из евангельских христиан-баптистов (ЕХБ), христиан веры евангельской – пятидесятников (ХВЕ), харизматов (наиболее динамично растущая группа), адвентистов седьмого дня (АСД) и евангельских христиан (ЕХ).

Однако, несмотря на широкое разнообразие протестантских конфессий, численность протестантов в сравнении с православными и мусульманами относительно невелика. По данным различных опросов населения страны этот показатель варьируется между 0,6–2,5 %, а исследования, проводимые непосредственно в протестантской среде, показывают, что протестантских верующих около 5 % населения. Причем, в различных регионах России концентрация протестантских церквей может существенно отличаться друг от друга. Например, наиболее «протестантскими» являются Сибирь и Дальний Восток, а также Краснодарский край, Брянская и Мурманская области [19].

Вместе с тем, характерной чертой протестантских организаций является их активная социальная работа, особенно это касается благотворительности и организации реабилитационных центров [20].

Постепенно, начиная с 90-х гг., сформировалось сообщество российских протестантов, причем в условиях все еще широко распространенных в обществе антисектантских фобий, начало которым было положено в советский период. По мнению экспертов, этот фактор в значительной степени влияет на то, что «протестантизм в России живет в некоем параллельном мире. Общество недооценивает потенциал протестантов, отмахивается от них, СМИ неинтересны дискуссии вокруг протестантизма» [21]. Стоит прояснить, каковы же наиболее характерные черты современных российских протестантских верующих [22]:

- это «добропорядочный законопослушный гражданин от 18 до 40 лет со средним достатком», в основном русский (79 % русских, 4 % немцев);
- 90,2 % современных протестантов приняли протестантское вероисповедание после 1990 г., причем протестантами в первом поколении являются 59,9 %, во втором и более – 40,0 %;
- протестантская группа лидирует в ответах на вопросы об участии в религиозной жизни; они намного чаще, чем православные выбирают варианты «я являюсь членом церкви», «я читаю Евангелие», «я молюсь»; 83,3 % посещают богослужение не реже одного раза в неделю;
- протестанты в большей степени, чем другие верующие, согласно опросам, готовы к самопожертвованию, благотворительной работе, к участию в гражданской, волонтерской деятельности – более 40 % дают положительные ответы на эти вопросы (православные – 12 %, мусульмане – 16 %, в среднем по России по всем религиям – 11 %) [23, с. 96];
- по основным мировоззренческим позициям протестанты едины – это консервативная в отношении соблюдения библейских ценностей, демократически настроенная и предприимчивая часть общества.

В частности, сопоставление данных опроса евангельских христиан-баптистов с результатами мониторинга общих тенденций в сфере труда Левада-Центра в 2005 г. показало, что среди баптистов не только очевидным образом проявляется тяготение к трудовой деятельности в частном секторе экономики, но они более «продвинуты» в нем, нежели население страны в целом: в частных компаниях трудились в 2005 г. 39,3 % баптистов (на фоне 36 % россиян), имели собственный бизнес 17,3 % баптистов (на фоне 4 % россиян); 21,1 % – являлись руководителями среднего звена или производства в целом [24].

За последние 20 лет на фоне общего роста религиозности и доминирующего влияния РПЦ в российском обществе сформировалось протестантское сообщество, которое является экономически самостоятельным, социально организованным и одним из самых динамичных религиозных движений. Протестанты в России – это особая когорта населения, разделяющая модель протестантской культуры, что в значительной степени объясняет, почему это экономически активная часть российского общества, сочетающая религиозные ценности с выраженной идеей социального служения. По оценкам экспертов, несмотря на небольшую численность протестантских верующих, данные конфессии, если им удастся выработать эффективную модель внутренней консолидации, могут выступить в качестве социально и экономически активного религиозного меньшинства, способного оказать позитивное влияние на развитие страны и преодоление кризисных явлений.

Ссылки и примечания:

1. Stark R., Bainbridge W. *The Future of Religion*. Berkeley; CA, 1985.
2. Bruce S. *The Pervasive World-View: Religion in Pre-Modern Britain* // *British Journal of Sociology*. 1997.
3. Двадцать лет реформ глазами Россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М., 2011.
4. Филатов С. Преодолеем ли предрассудки? // *Свободная мысль*. 1993, № 3.
5. См.: Мchedlov М.П., Нуруллаев А.А., Филимонов Э.П., Элбакян Е.С. Религия в Зеркале общественного мнения // *Социологические исследования*. № 5. 1994. С. 46; Религиозные объединения в современной России // *Аналитическое обозрение*. Сер.: Социология. 1996. Вып. 4. С. 5; Синелина Ю.Ю. Динамика процесса воцерковления православных // *Социологические исследования*. 2006. № 11.
6. Stark R., Bainbridge W. *Op. cit.* P. 2–3.
7. Тихонова Н.Е. Измерение социально-психологического состояния российского общества // *Двадцать лет реформ глазами Россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, В.В. Петухова. М., 2011.*
8. Finke R. *Pluralism as Outcome: The Ecology of Religious Resources, Suppliers, and Consumers* // *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*. 2009. № 5.
9. Расхождение данных связано с различными методиками измерения религиозности. Это одна из злободневных проблем современной российской социологии религии.
10. См.: Арена: Атлас религий и национальностей Российской Федерации. М., 2012. С. 17–51; Верим ли мы в Бога? // *ВЦИОМ: пресс-выпуск*. 2010. № 1461. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13365> (дата обращения: 30.03.2010); Лункин Р. Атлас религий России. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1997068> (дата обращения: 18.01.2013).
11. Лункин Р. Атлас ...
12. См.: Верим ли мы в Бога? ... ; Каариайнен К., Фурман Д. Религиозность в России в 90-е годы // *Старые церкви, новые верующие: религия в массовом сознании постсоветской России*. СПб.; М, 2000. С. 7–48; Мchedlova М.М. Роль религии в современном обществе // *Социологические исследования*. 2009. № 12. С. 78.
13. Двадцать лет реформ ... С. 215.
14. Там же. С. 216.
15. Там же. С. 146.
16. БД «Архивариус» // *ВЦИОМ. Проекты 23, 42*. URL: <http://wciom.ru> (дата обращения: 10.01.2014).
17. Grace D. *Europe. The Exceptional Case: Parameters of Faith in the Modern World*, London, 2002.
18. Образование новых для России протестантских религиозных групп, а также динамичное развитие конфессий, исторически существовавших на территории российского государства (баптистов, пятидесятников, адвентистов седьмого дня и другие), во многом обязано широко развернувшейся с начала 90-х гг. деятельности западных миссионеров на территории нового российского государства.
19. См., например: Barnes D., Kargina I., Elliot M. *Protestants in the Former Soviet Union: What Survey Findings Reveal* // *East-West Church and Ministry Report*. 2002. Vol. 10. № 1. Winter; Протестантизм в России: традиции и тенденции современного развития: мат-лы науч.-практ. конф. М., 2012. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=96267> (дата обращения: 10.01.2014).
20. Протестантизм в России ...
21. Там же.
22. См.: Каргина И.Г. Российские протестанты в условиях религиозного плюрализма. Протестантизм как фактор формирования российской государственности и культуры. Антология / сост. М.Ю. Смирнов. СПб., 2012. С. 527–538; Протестантизм в России ...
23. Арена: Атлас ...
24. Зуев Ю.П. Российские католики и протестанты на «канонической территории» РПЦ: поиск *modus vivendi* // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. 2007. № 3. С. 6–18.

References and notes:

1. Stark, R & Bainbridge, W 1985, *The Future of Religion*, Berkeley; CA.
2. Bruce, S 1997, 'The Pervasive World-View: Religion in Pre-Modern Britain', *British Journal of Sociology*.
3. Gorshkov, MK, Krumm, R & Petukhov, VV (ed.) 2011, *Twenty years of reform through the eyes of Russians: the experience of long-term measurements of sociological*, Moscow.
4. Filatov, S 1993, 'Overcome whether prejudices?', *Free Thought*, no. 3.
5. See: Mchedlov, MP, Nurullayev, AA, Filimonov, EP & Elbakyan, ES 1994, 'Religion in the mirror of public opinion', *Case Studies*, no. 5, p. 46; 'Religious associations in modern Russia' 1996, *Analytical review*. Ser.: *Sociology*, issue. 4, p. 5; Sinelina, YY 2006, 'Dynamics of the process churching Orthodox', *Case Studies*, no. 11.
6. Stark, R & Bainbridge, W 1985, *The Future of Religion*, Berkeley; CA, pp. 2–3.
7. Tikhonova, NE 2011, 'Measurement of social-psychological state of Russian society', *Twenty years of reform through the eyes of Russians: the experience of long-term measurements of sociological*, Gorshkov, MK, Krumm, R & Petukhov, VV (ed.), Moscow.
8. Finke, R 2009, 'Pluralism as Outcome: The Ecology of Religious Resources, Suppliers, and Consumers', *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*, no. 5.
9. *Discrepancy in the data due to the different methods of measurement of religiosity. This is one of the urgent problems of contemporary Russian sociology of religion*.
10. See: *Arena: Atlas religions and nationalities of the Russian Federation* 2012, Moscow, pp. 17-51; 'Whether we believe in God?' 2010, *VTsIOM: press release*, no. 1461, retrieved 30 March 2010, <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13365>>; Lunkin, R 2013, *Atlas religions of Russia*, retrieved 18 January 2013, <<http://www.kommersant.ru/doc/1997068>>.
11. Lunkin, R 2013, *Atlas religions of Russia*, retrieved 18 January 2013, <<http://www.kommersant.ru/doc/1997068>>.
12. See: 'Whether we believe in God?' 2010, *VTsIOM: press release*, no. 1461, retrieved 30 March 2010, <<http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=13365>>; Kaariainen, K & Furman, D 2000, 'Religiosity in Russia in the 90s', *The old church, new believers that religion in the mass consciousness of post-Soviet Russia*, St. Petersburg.; Moscow, pp. 7-48; Mchedlova, MM 2009, 'The role of religion in modern society', *Case Studies*, no. 12, p. 78.

13. Tikhonova, NE 2011, 'Measurement of social-psychological state of Russian society', *Twenty years of reform through the eyes of Russians: the experience of long-term measurements of sociological*, Gorshkov, MK, Krumm, R & Petukhov, VV (ed.), Moscow, p. 215.
14. Tikhonova, NE 2011, 'Measurement of social-psychological state of Russian society', *Twenty years of reform through the eyes of Russians: the experience of long-term measurements of sociological*, Gorshkov, MK, Krumm, R & Petukhov, VV (ed.), Moscow, p. 216.
15. Tikhonova, NE 2011, 'Measurement of social-psychological state of Russian society', *Twenty years of reform through the eyes of Russians: the experience of long-term measurements of sociological*, Gorshkov, MK, Krumm, R & Petukhov, VV (ed.), Moscow, p. 146.
16. 'DB "Archivist" 2013, VTsIOM. Projects 23, 42, retrieved 10 January 2014, <<http://wciom.ru>>.
17. Grace, D 2002, *Europe. The Exceptional Case: Parameters of Faith in the Modern World*, London.
18. *Education for the new Russian Protestant religious groups, as well as the dynamic development of denominations historically existed on the territory of the Russian state (Baptists, Pentecostals, Seventh-day Adventists and others), largely due to the ensuing widely since the early 90-ies. activities of Western missionaries in the territory of the new Russian state.*
19. See, for example: Barnes, D, Kargina, I & Elliot, M 2002, 'Protestants in the Former Soviet Union: What Survey Findings Reveal', *East-West Church and Ministry Report*, vol. 10, no. 1, Winter; *Protestantism in Russia: traditions and modern trends of development 2012: materials of scientific-practical. conf. Moscow*, retrieved 10 January 2014, <<http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=96267>>.
20. *Protestantism in Russia: traditions and modern trends of development 2012: materials of scientific-practical. conf. Moscow*, retrieved 10 January 2014, <<http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=96267>>.
21. *Protestantism in Russia: traditions and modern trends of development 2012: materials of scientific-practical. conf. Moscow*, retrieved 10 January 2014, <<http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=96267>>.
22. See: Kargina, IG 2012, *Russian Protestants in terms of religious pluralism. Protestantism as a factor in the formation of Russian statehood and culture. Anthology*, St. Petersburg, pp. 527-538; *Protestantism in Russia: traditions and modern trends of development 2012: materials of scientific-practical. conf. Moscow*, retrieved 10 January 2014, <<http://www.portal-credo.ru/site/?act=news&id=96267>>.
23. *Arena: Atlas religions and nationalities of the Russian Federation 2012*, Moscow, pp. 17-51
24. Zuev, YP 2007, 'Russian Catholics and Protestants on the "canonical territory" of the ROC: search modus vivendi', *State religion, the Church in Russia and abroad*, no. 3, pp. 6-18.